

DOI: 10.31857/S032103910023380-1

СТЕЛА ИЗ АСКЛЕПИОНА НА о. КОС КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ПРАЗДНИКА В ДИДИМАХ И «ПРОПАГАНДЫ» КУЛЬТА АПОЛЛОНА

Д. Б. Меркин

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: dimamerkin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6906-7938

Статья посвящена изучению найденной на Косе Р. Херцогом мраморной стелы в качестве одного из важнейших свидетельств о религиозной жизни Милета в эпоху эллинизма. Документ провозглашает празднество Дидимей общеэллинским и устанавливает награждение победителей венком. Такая трансформация локального праздника ставила целью «пропаганду» культа Аполлона Дидимейского среди других эллинов и привлечение новых почитателей. В этот же период образ этого бога появляется на монетной чеканке города, а в святилище возобновляется строительство нового храма, одного из самых крупных в регионе. Это может говорить об общей политике, направленной на расширение влияния святилища. Надписи из самих Дидим и других регионов Средиземноморья, а также нумизматические данные косвенно подтверждают, что с конца III в. до н.э. сфера влияния святилища и оракула расширяется.

Ключевые слова: Дидимеи, Кос, игры, оракул, Аполлон, Селевкиды, Птолемей

THE MARBLE STELE FROM ASKLEPEION OF COS AS A TESTIMONY OF THE TRANSFORMATION OF THE RELIGIOUS FESTIVAL IN DIDYMA AND THE “PROPAGANDA” OF APOLLO’S CULT

Dmitriy B. Merkin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: dimamerkin@mail.ru

Данные об авторе. Дмитрий Борисович Меркин — научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Автор хочет выразить благодарность за оказанную помощь при подготовке этой статьи А.И. Иванчику, А.В. Белоусову, А.В. Ивановой, Г.С. Беликову.

This article presents a research of the marble stele found on the Cos island by R. Herzog. The stele is one of the most significant testimonies about the religious life at Miletus during the Hellenistic period. This document proclaims the panhellenic status of the Didymeia's festival and establishes the coronation of the winner. Such transformation of the local festival was aimed at 'propaganda' of Apollo Didymeus' cult among other Greeks. We can see the image of Apollo Didymeus on the coins of Miletus of that period with a new phase of the large Apollo's temple construction beginning at the same time. All these may reflect the general politics aimed at the expansion of sanctuary's influence. Inscriptions from Didyma and other sites of the Mediterranean and numismatic data confirm that from the end of the 3rd century BC the influence of the sanctuary and the oracle has spread across the region.

Keywords: Didymeia's festival, Cos, games, oracle, Apollo, the Seleucid kings, the Ptolemaic kings

Мраморную стелу, обнаруженную Р. Херцогом в 1904 г. при раскопках храма Асклепия на о. Кос, можно смело назвать одним из важнейших памятников, рассказывающих о культовой жизни Милета III–II вв. до н.э. Она имеет довольно крупный размер: 122 см — высота, ок. 45–50 см — ширина и толщина — ок. 8 см. На одной стороне эпистографического памятника записан декрет милетян, на основании которого праздник Дидимей объявляется общеэллинским. По характеру текста видно, что декрет был составлен самими милетянами, а впоследствии на Косе был переписан местным резчиком, на что указывают характерные ошибки, о которых будет сказано ниже. На обратной стороне стелы записан ответ жителей острова на призыв принять участие в играх, приуроченных к празднику. К сожалению, текст на оборотной стороне сохранился фрагментарно, поскольку впоследствии плиту использовали повторно для посвящения в римское время, о чем свидетельствуют следы штукатурки и строительного раствора на поверхности камня¹.

Ключевым моментом, зафиксированным в тексте милетского декрета, можно назвать трансформацию одного из важнейших полисных праздников: *προσῆκει δὲ τῷ δήμῳ πράσσειν τοῖς ἐξενηγεμένοις χρησμοῖς ἀκόλουθα τὸν τε ἀγῶνα τιθέναι τῶν Διδυμείων στεφανίτην καὶ τοὺς Ἕλληνας εἰς ταῦτα παραλαμβάνειν, κοινῶν τῶν εὐεργεσιῶν εἰς πάντας αὐτοὺς ὑπὸ τοῦ θεοῦ γεγενημένων*, «И подобает народу, поступающему в соответствии с произнесенными прорицаниями, установить игры Дидимей “венковыми играми” и приглашать на них эллинов, поскольку совершенные божеством благодеяния касаются их всех»². Понятие *στεφανίτης*, которое мы переводим как «венковые», подразумевает награждение победителей венками, и такой эпитет применяется по отношению к самым значимым празднествам, и в первую очередь — общеэллинским. Например, в эпиграфике можно встретить его употребление в контексте Ликей³, также его регулярно используют античные авторы (см., например, Пифийские игры: Paus. 10. 7. 5; Strabo 9. 3. 10; Олимпийские игры: Strabo 8. 3. 30; см. также Лус. *Contr. Leokr.* 1. 51.; Xen. *Mem.* 3.7; Plut. *Lyc.* 22. 4., etc.). Употребление в этом контексте *καὶ τοὺς Ἕλληνας εἰς ταῦτα*

¹ Herzog 1905, 979 = *IG* XII 4, 1, 153 = *Milet* VI 3 1052 = *Syll.*³ 590.

² *IG* XII 4, 1, 153, 18–25.

³ *Syll.*³ 402, 15; *IG* II³, 1 1184; см. также: Robert 1940, 118; Woodward *et al.* 1928, 58–65.

παράλαμβάνειν указывает на то, что приглашение иностранцев было одним из ключевых аспектов «венковых» игр.

Важно отметить то, что скорее всего такие изменения не могли происходить без божественной санкции, о чем свидетельствует обращение к оракулу Аполлона: τοῖς ἐξηνηνεγμένοις χρησμοῖς. Это подтверждает аналогичный пример из Магнесии на Меандре: граждане полиса обращаются к оракулу для того, чтобы объявить празднества в честь Артемиды Левкофрины «венковыми» играми⁴.

Датировка надписи из Коса вызвала продолжительную дискуссию среди исследователей. По палеографическим особенностям первоиздатель предложил датировать ее второй половиной III в. до н.э., считая середину века более предпочтительной датой; это гипотезу поддержал А. Вильгельм, но впоследствии раскритиковал А. Рем⁵. Это связано с тем, что такой шрифт мог использоваться в лапидарных надписях продолжительное время, в то время как сам Рем предполагает более позднюю датировку на основании просопографии. В тексте упомянуты имена двух послов: πρεσβευταὶ αἰρέθη[σαν] Δημοσθένης Ἐργίνου, Σῆμος Ἀριστοφῶντος⁶. Оба также упоминаются в милетских надписях, первая из которых относится к первой четверти II в. до н.э., а вторая — к 205/4 г. до н.э.⁷ Наиболее достоверную датировку дает вторая надпись, поскольку в первом случае имя Δημοσθένης сохранилось без патронима и вполне возможно, что такое восстановление может быть ошибочным⁸.

Исследователями предпринимались попытки уточнить эти датировки на основании других надписей. Т. Клее один из первых сопоставил данный текст с декретом об установлении исполнения с Селевкией (Траллами) 212/211 г. до н.э., в котором упоминаются регулярные процессии в Дидимы, но при этом никак не обозначены регулярные игры: ἐψηφισμένοι [εἰσὶ πέμπειν θε]ῶρους τοὺς συντελέσοντας καθ' ἑκάστον ἔτος πομπήν, «голосованием было постановлено посылать теоров для

⁴ καὶ τῶν ἄλλων ἀ[γ]ώνων τὴν ἀρχὴν μὲν ἐπ' ἀργυρίῳ τε/θέντων, χρόνῳ δὲ ὕστερον διὰ χρησμοὺς στεφαν[ι]τῶν γυγ[ο]ν/γόντων, «и других соревнований в начале установленных как игры с призовыми деньгами, а затем ставших по прорицанию «венковыми» (*I. Magnesia* 16 = *Syll.*³ 557, 6–10, 22–24); подробнее об играх Магнесии см. Kern 1901, 491–496; Ebert 1982, 198–216.

⁵ Herzog 1905, 983–984; Rehm 1958, 278; Сам Херцог впоследствии признал, что датировка последней третью III в. до н.э. более вероятна.

⁶ *IG* XII 4, 1, 153, 45–46.

⁷ *Milet* I 3, 151, 23; 147, 96; Günther 2017, 178, Δημοσθένης Ἐργίνου; 556, Σῆμος Ἀριστοφῶντος. Общая хронология надписей Милета и Дидим, разработанная А. Ремом, оспаривалась Э. Кавеньяком. Его позиция основывалась на противоположной трактовке двух спорных моментов в списке стефанофоров (год стефанофората Александра Великого и год, когда в одной строке записано 2 имени), а разница с хронологией Рема составляла несколько лет. Однако, во-первых, разрыв в датировках надписей конца IV–III в. до н.э. составляет всего один год, а во-вторых, до недавних пор позицию Кавеньяка поддерживал лишь П. Дж. Родс, а большинство исследователей придерживалось традиционной хронологии Рема. Поэтому в данной статье мы также будем придерживаться последней, учитывая при этом, что возможны небольшие отклонения. Подробнее см. Cavaignac 1924, 311–314; Rhodes 2006, 116.

⁸ Herzog 1905, 983–984.

совершения процессии каждый год»⁹. Он предположил, что трансформация Дидимей могла произойти между 212 и 200 г. до н.э. Вторая дата основывается на милетском декрете в честь Евдема 200/199 г. до н.э., создавшего школу, в котором говорится о предоставлении жертвенного быка на празднество Дидимей: οἱ παιδονόμοι πεμπέτωσαν τῷ Ἀπόλλωνι τῷ Διδυμεῖ βοῦν ὡς κάλλιστον ἐν τε τῇ πενθετηρικῇ τοῖς Διδυμείοις καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις ἔτεσιν τοῖς βοηγίοις, «педономы пусть посылают Аполлону Дидимейскому самого прекрасного быка на Дидимей, проводящиеся каждые 5 лет, а в другие годы на боэгии»¹⁰. Рем, основываясь на этой надписи, считает, что трансформация празднеств произошла около 200 г. до н.э.¹¹ Он указывает на то, что выражение πενθετηρικῇ τοῖς Διδυμείοις означает, что празднества проходили регулярно, как Олимпийские, Пифийские и другие, и соответственно здесь подразумеваются именно регулярные «венковые» игры, а не локальные. Связь именно с 200 г. до н.э. необходима ему для подтверждения гипотезы относительно датировки надписи *I. Didyma* 475. Это список посвящений в храм Аполлона Дидимейского, о котором мы будем говорить ниже. Рем считает, что он связан с проведением ок. 100 г. до н.э. юбилейных игр¹². Однако сразу отметим, что его размышления спорны, поскольку строятся в первую очередь на допущениях. Что касается πενθετηρικῇ τοῖς Διδυμείοις, то мы не знаем, с какой регулярностью Дидимей проводились до изменения их статуса, поэтому опора на это свидетельство может показаться сомнительной. Однако вкупе с данными просопографии можно довольно уверенно сказать, что декрет относится к концу III в. до н.э.

На наш взгляд, приведенная выше гипотеза Клее со всеми оговорками может дать нам *terminus post quem* и *terminus ante quem*, однако гипотеза Рема недостаточно убедительна для однозначной датировки. Предположение Рема основывается исключительно на упоминании игр, но их признание общеэллинскими могло произойти и за несколько лет до этого. Его же рассуждения о столетнем юбилее Дидимей строятся исключительно на допущениях и не подтверждаются однозначно датированными памятниками. Важно также отметить, что впоследствии надписи этого периода были убедительно передатированы М. Вёррле, который показал неточности в датировке списка стефанофоров этого периода Ремом, основываясь на подобных списках из Гераклеи на Латмосе и договорах между Милетом и Гераклеей, и Милетом и Магнесией на Меандре¹³. Исходя из его рассуждений, датировка первой надписи — 218/217, а второй — 206/205 г. до н.э., поэтому сам временной промежуток, когда могла произойти трансформация игр в Дидимах, удревняется.

Более продуктивной, на наш взгляд, можно считать гипотезу К. Ригсби. Анализируя датировки надписей Коса в соответствии с косским календарем, он приходит к выводу, что в датировочной формуле данной надписи резчик допустил ошибки, перенося текст на камень. На камне мы можем увидеть

⁹ *Milet* I 3, 143A, 10; Klee 1918, 73, n. 1.

¹⁰ *Milet* I 3, 145, 69–71; о боэгии подробнее см. Fontenrose 1944, 291–304.

¹¹ Rehm 1958, 278.

¹² Rehm 1958, 278.

¹³ Подробнее см. Wörle 1988, 431–437.

следующую запись: ἐπὶ Ἰλοκράτεως μηνὸς Ἀρτεμιτίου¹⁴. Ригсби строит свою аргументацию следующим образом: во-первых, месяц в милетском календаре называется Ἀρτεμισίων. В тексте мы видим форму Ἀρτεμιτίου, что может быть связано с местным дорийским названием месяца — Ἀρταμίτιος. Из-за ошибки резчика мы получили смешение этих двух названий: на конце *tau* вместо *sigma*, но без дорийской *alpha*, а с *epsilon*ном в соответствии с милетским произношением. Во-вторых, Ригсби считает, что резчик ошибся в имени эпонимного магистрата. Поскольку до нас дошли списки милетских стефанофоров конца III в. до н.э., нам есть с чем сопоставить эту надпись, однако в это время в них не встречается имя Ἰλοκράτης. Ригсби предполагает, что резчик по ошибке записал более привычное для него Ἰλοκράτεως вместо Ἰλικράτους, стефанофора Милета в 218/217 г. до н.э.¹⁵ В итоге датировочная формула в начале должна быть записана следующим образом: ἐπὶ (Ἐ)π(ι)κράτ(ε)ως, μηνὸς Ἀρτεμ(σιῶνος)¹⁶. С одной стороны, это косвенно подтверждается наличием других ошибок в тексте, а также объясняет одну *nu* в имени, где их должно быть две¹⁷. Но, с другой стороны, насколько было допустимо, чтобы резчик сделал в одном имени сразу три ошибки? Возможно, в данном случае это было не столь существенно, потому что речь идет о магистрате чужого полиса. Важно отметить, что гипотеза Ригсби не противоречит другим памятникам и датировкам эпонимных магистратов — «монархов» самого Коса¹⁸. Поэтому, на наш взгляд, однозначно можно говорить о создании декрета ок. 218–210 гг. до н.э., но предположение Ригсби о 218/217 г. до н.э. кажется возможным¹⁹. Проведение же первых общеэллинских игр в Дидимах Ригсби считает вероятным спустя два года после Олимпийских, поэтому они могли выпасть на 215 г. до н.э.²⁰

Мы также знаем, сколько заняли по времени подготовка и само посольство, поскольку в ответном декрете сохранилась датировка собрания, на котором послы выступили перед жителями Коса: ἐπὶ Φιλίνου νομηνῆαι μηνὸς Ὑακινθίου²¹.

¹⁴ IG XII 4, 1, 153, 1; Ἰλοκράτεως — такая форма род. п. характерна для местного диалекта из-за сужения ο > υ; подробнее см. Bechtel 1923, 562.

¹⁵ Rigsby 1996, 174–176; 2010, 155–157.

¹⁶ Исправление дано по Ригсби; на наш взгляд, возможна запись: ἐπὶ (Ἐ)π(ι)κράτεως, μηνὸς Ἀρτεμ(σιῶνος), поскольку сужение ο > ι было возможно и в ионийском диалекте: см., например, Bechtel 1963, 140.

¹⁷ Помимо, например, диттографии в строках 5–6: ΠΑΝΗΓΥΡ|ΡΕΙΣ и 14–15: ΚΑΘΙ|ΠΕΡΩΣΙΝ в 45 строке надписи мы встречаем форму αἰρέθησαν вместо привычно используемой в Милете формы койне ἡρέθησαν из-за влияния дорийского диалекта; подробнее см. Herzog 1905, 983.

¹⁸ Habicht 2000, 309, 328.

¹⁹ В переиздании текста декрета в третьей части надписей Милета В. Гюнтер дает более осторожную датировку ок. 210 г. до н.э., указывая *terminus post quem* — 218/217 и *terminus ante quem* — 206/205 г. до н.э. см. *Milet* VI 3 1052; если принимать датировку Ригсби как верную, то декрет об исполнении с Селевкийей был все равно принят до установления панэллинских игр, поскольку он датируется первым месяцем в году — Тауреоном, а декрет об играх последним — Артемисием, см. Samuel 1972, 114–115.

²⁰ Rigsby 2010, 157.

²¹ Herzog 1905, 982.

Зная, что милетский месяц Артемисий выпадает на март—апрель, а косский Гикаинф на июнь—июль, можно предположить, что само посольство заняло около 60 дней. Нам точно не известно, сколько дней проходила подготовка, однако разница может быть связана и с тем, что народное собрание на Косе, как это было распространено в этот период, собиралось два раза в месяц и посольство прибыло сразу после завершения одного, и пришлось ждать следующего²².

В надписи зафиксировано, что на тот момент сами милетяне регулярно проводят игры в Дидимах: ἐπειδὴ τοῦ δήμου κατὰ τὰ πάτρια τὰς τε πανηγύρεις καὶ τοὺς ἁγῶνας συντελοῦντος ἐν Διδύμοις τῷ Ἀπόλλωνι τῷ Διδυμεῖ..., «так как народ по обычаю предков проводит празднества и соревнования в Дидимах в честь Аполлона Дидимейского»²³. Точное время формирования Дидимей определить довольно сложно, однако сохранилось свидетельство, которое позволяет предположить, что это произошло не позднее 300/299 г. до н.э. К этому времени относится почетный декрет в честь Антиоха, в котором ему предоставляется право проэдрии на соревнованиях в Дидимах²⁴.

На наш взгляд, стелу с Коса можно рассматривать как пример своего рода «пропаганды» культа Аполлона Дидимейского, целью которой было привлечение максимально широкого круга почитателей к культу. Само слово мы берем в кавычки, подразумевая под ним целенаправленную активность по привлечению новых почитателей к культу Аполлона.

Если говорить о структуре декрета, то его можно разделить на две части: первая — обоснование для трансформации праздника, а вторая — само постановление об отправке послов к потенциальным участникам игр и их прибытие на Кос²⁵. К сожалению, не сохранилось ни одного схожего послания к другим полисам, поэтому трудно предположить, насколько была вариативна вторая часть в зависимости от адресата.

В первой же части фиксируются важные обоснования сакральности Дидим, а также самого полиса. Во-первых, милетяне считают, что именно здесь произошло соитие Зевса и Лето: τῆς τε πόλεως καὶ τῆς χώρας καθιερωθείσης διὰ τὴν ἐν τῷδε τῷ τόπῳ Λητοῦς καὶ Διὸς μεῖξιν, «из-за того, что и город, и земля признаны священными благодаря соитию в этом месте Лето и Зевса»²⁶. Р. Херцог резонно указывает, что Дидимам как одному из самых значительных святилищ Аполлона в Греции так или иначе было необходимо связать свою историю с мифами о происхождении и детстве Аполлона, чтобы добавить себе значимости. Местом

²² Samuel 1972, 114–115; Bosnakis, Hallof 2005, 239–240.

²³ IG XII 4, 1, 153, 4–8.

²⁴ I. Didyma 479 = OGIS 213, 36–38; Подробнее об играх в этой надписи см. Haussoullier 1900, 245–248; Fontenrose 1942, 173–174; 1988, 68; BE 1946–1947, 349; Rehm 1958, 283.

²⁵ В декрете эта санкция выражена следующим образом: δεδόχθαι τῇ βουλῇ ἐλέσθαι πρεσβευτὰς πρὸς Κώιους φίλους καὶ συμμάχους ὑπάρχοντας τοῦ δήμου, τοὺς δὲ αἰρεθέντας ἀφικομένους ἀπολογίσασθαι περὶ τῶν διὰ τοῦ μαντείου γεγονότων τοῖς βασιλεῦσι καὶ τοῖς ἄλλοις Ἑλλήσι..., «пусть будет постановлено советом избрать послов к косцам, друзьям и союзникам народа, а избранные по прибытии расскажут о совершившемся по порицанию для царей и всех эллинов...», см. IG XII 4, 1, 153, 25–30.

²⁶ IG XII 4, 1, 153, 8–10.

его рождения уже был определен Делос, местом его первого подвига — убийства Пифона — являлись Дельфы. Поэтому Дидимам ничего не оставалось, кроме как стать местом его зачатия²⁷. Его мнение поддерживают большинство исследователей²⁸. Бытование этого мифа среди милетян также подтверждает вотивная статуэтка сидящей божественной пары архаического времени, вероятно, Зевса и Лето²⁹. Однако такого рода свидетельств сохранилось мало, поэтому проследить корни этого мифа довольно трудно. Но, безусловно, милетяне хотели закрепить Дидимы в тройке важнейших святилищ Аполлона, и данный декрет служит ярчайшим примером их пропаганды среди других эллинов.

Еще одно важное обоснование сакральности места — это наличие оракула в Дидимах и его прорицания: ...καὶ τὰς τοῦ θεοῦ μαντείας, ἐξ ὧν ἔθνη τε οὐκ ὀλίγα καὶ πόλεις καὶ τῶν βασιλέων οἱ τετευχότες τῶν μεγίστων <διὰ> τῆς παρὰ τοῦ θεοῦ συμβουλίας τὴν τε καθιέρωσιν καὶ τὴν ἀσυλίαν ἀνηγόρευσαν ἀπαράκλητοι αὐτοί..., «...и из-за пророчеств бога, благодаря которым и немалое количество народов, и города, и цари, получившие величайшую (помощь) благодаря советам со стороны бога, сами объявили посвящение и право убежища...»³⁰. В тексте специально подчеркивается, что к Дидимейскому оракулу обращались другие эллины, представители разных народов и цари. Самым важным здесь можно считать именно последнее упоминание, поскольку ряд исследователей связывает дарование Дидимам права асии с именем Селевка II³¹. Дидимы имели весьма тесные связи с династией Селевкидов: ее представители оказывали регулярные благодеяния святилищу и городу (особенно Селевк I и Антиох I), первые Селевкиды объявляли о своем происхождении от Аполлона Дидимейского³². Отметим, что до нашего времени за редкими исключениями практически не сохранилось оригинальных прорицаний (полулегендарный оракул для Селевка I о его возвращении в Европу — исключение)³³, которые давались эллинистическим царям, однако мы встречаемся с упоминаниями о них. Само понятие συμβουλία довольно часто употребляется в контексте дивинации Дидимейского оракула еще начиная с Геродота (Hdt. I. 157)³⁴. Однако стоит обратить внимание на то, что в тексте Селевкиды не называются напрямую. На наш взгляд, это связано со сложной политической ситуацией, в которой Милет находился в III в. до н.э. Город попадал в сферу влияния разных династий: переходил из-под контроля Селевкидов под контроль

²⁷ Herzog 1905, 988–989.

²⁸ Günther 1971, 100–107; Fontenrose 1988, 110; Somolinos 1991, 236–237.

²⁹ Tuchelt 1970, 192; о распространении культа Лето подробнее см. Avram 2009, 305–314.

³⁰ IG XII 4, 1, 153, 10–16; про синтаксис в этом фрагменте см. Herzog 1905, 983; Wilamowitz-Moellendorff 1914, 96; Somolinos 1991, 234–238.

³¹ Günther 1971, 81–85; Ригсби считает, что право асии было даровано святилищу позднее, см. Rigsby 1996, 176.

³² I. Didyma 479, 480; Günther 1971, 23–50.

³³ Традиция сохранила сведения о двух оракулах, изреченных для Селевка: μή σπεῦδ' Εὐρώπηνδ'. Ἀσίῃ τοι πολλὸν ἀμείνων, «не торопись в Европу. Азия для тебя намного лучше» (App. Syr. 56) и Ἄργος ἀλευόμενος τὸ πετρωμένον εἰς ἔτος ἥξει: εἰ δ' Ἄργει πελάσας, τότε κεν παρὰ μοῖραν ὄλοιο, «избегая Аргоса, ты достигнешь назначенных лет. А если к Аргосу приблизишься, тогда вопреки судьбе ты погибнешь» (App. Syr. 63).

³⁴ Haussoullier 1920b, 273.

Птолемея и Антигонидов; и это не могло не отразиться на политике милетян. Эпиграфические памятники свидетельствуют о посвящениях как со стороны Селевкидов (особенно здесь важен обширный список посвящений от Селевка I), так и Птолемея, а в последующие эпохи и других эллинистических правителей³⁵. На наш взгляд, в данной ситуации милетяне искали покровительства у разных эллинистических династий и в том числе стремились привлечь средства на строительство нового храма в Дидимах.

Некоторые исследователи ошибочно указывают, что с момента принятия декрета религиозный праздник получил название τὰ Μεγάλα Διδυμεία³⁶. В самом декрете это сочетание не встречается, во всех синхронных надписях всегда речь идет о «Дидимеях», в то время как название «Великие Дидимеи» встречается уже только в римских надписях II–III вв. н.э.³⁷ Поэтому, на наш взгляд, в данном декрете идет речь исключительно о трансформации праздника в «венковые игры» и о повышении его статуса, а не об изменении его названия.

Практически не сохранилось оракулов, адресованных к представителям других полисов и народов в предшествующий период, поэтому проследить изменение частоты обращений или происхождения вопрошающих не представляется возможным. Однако до нас дошло несколько синхронных надписей, которые говорят о признании игр в Дидимах. Помимо самой надписи с Коса, обратная сторона которой четко показывает желание жителей острова принять участие в Дидимеях, до нас дошел проксенический декрет из Олимпии второй половины III в. до н.э. с упоминанием посланников на игры в Дидимах: ὅλωρ δοθῆαι τοῖρ θεαροῖρ τοῖρ ἐμ Μίλητον ἀποστελλομένοιρ ποτὶ τὰν θυσίαν καὶ τὸν ἀγῶνα τῶν Διδυμείων, «чтобы предоставил [средства] послам, отправленным в Милет на праздник и соревнование в Дидимах»³⁸. Другой пример — это фрагмент каменной стелы из Апреты на Крите, обнаруженной М. Гвардуччи. Л. Робер, по мнению большинства исследователей, сумел правильно скорректировать дополнения в тексте первоиздателя и связать памятник с установлением общеэллинических игр в Дидимах. В этом документе речь идет о признании игр в Дидимах, а также права асии и священности дидимейской земли³⁹.

Надо отметить, что Дидимы — это не единственный пример подобной трансформации локального праздника в общеэллинические игры. Еще Виламовиц обратил внимание, что примерно в это же время жители Магнесии на Меандре устанавливают общеэллинический праздник Левкофрины, о котором мы уже упоминали

³⁵ *I. Didyma* 424, 115, 218 II, 469, 473.

³⁶ Somolinos 1991, 235.

³⁷ См., например, *I. Didyma* 162, 163; 164 etc.

³⁸ *I. Olympia* 39 = Michel Recueil 197 = *DGE* 425, 35–40; Herzog 1905, 985; Robert 1929, 153, n. 2; Günther 1971, 104, n. 19.

³⁹ Текст первоиздателя: [— — —]εν . α[— — —]δινυ[.] / [— — —]αγ καὶ τὰς γὰρος ἱερὰς / [— — —] Ἀπόλλωνος τοῦ Διδυμέως καὶ εἰη / [— — —] Λακεδ]αιμονίῳ προνοίαι καὶ τῶν / [— — —] καὶ π[ολ]έμ[ω] καὶ εἰράνας καὶ / [— — —] (*I. Cret.* II 3. 16). Робер предлагает следующие конъектуры: [τὰν πόλιν καὶ τὰς χώρ]αγ καὶ τὰς γὰρος ἱερὰς и [τῶν τοῦ δ]αιμονίῳ вместо [Λακεδ]αιμονίῳ. Подробнее см. Robert 1940, 113–114.

ранее⁴⁰. Однако если раньше считалось, что такой переход в Магнесии был раньше, чем в Милете, то после пересмотра текста и датировки декрета об установлении общеэллинских игр в Магнесии считается, что в Милете это событие произошло раньше⁴¹. В самой Магнесии в отличие от Милета были обнаружены записи ответных декретов из тех полисов, к которым были отправлены послы и в соответствии с которыми граждане принимали приглашения на игры⁴².

Сам Виламовиц делает вывод о том, что в эпоху эллинизма тенденция учреждать общеэллинские игры была характерна для всей Малой Азии. Фрагментарная источниковая база не позволяет подтвердить эту гипотезу большим количеством примеров, однако, безусловно, наиболее значимые святилища в регионе стремились к этому⁴³.

В случае с Дидимами, вероятно, также важную роль играл фактор строительства нового храма. Эллинистический храм Аполлона Дидимейского общепризнанно считается одной из самых грандиозных построек этого времени в Малой Азии. У нас есть сведения о ходе строительства благодаря сохранившимся надписям. К сожалению, архив «отчетов о строительстве» неполный: какие-то надписи сохранились лишь фрагментарно, а за многие периоды времени их не сохранилось вообще. Но сохранились отчеты, относящиеся к последней четверти III — второй четверти II в. до н.э. Два важных отчета выпадают на 224/223 и 223/222 г. до н.э. Если соотнести их с упомянутой выше гипотезой Ригсби, то можно сделать вывод о возобновлении активного строительства незадолго до момента, когда Дидимеи стали общеэллинскими⁴⁴. Вполне возможно, что, расширяя круг участников праздника, милетяне предполагали привлечь дополнительные средства на строительство храма со стороны внешних почитателей. А в случае, если бы строительство удалось завершить, это бы повысило статус и полиса, и святилища в глазах других участников игр.

Также нужно сказать, что образ Аполлона Дидимейского засвидетельствован и в монетной чеканке Милета. Самая ранняя такая серия относится еще ко второй половине IV в. до н.э. Известно несколько гемидрахм, на аверсе которых изображено лицо Аполлона, а на реверсе — лев, смотрящий на звезду, и легенда: ΕΓ ΔΙΔΥΜΩΝ ΙΕΡΗ. Уникальность этой серии, а также малое количество экземпляров часто трактуется как признак того, что такие монеты использовались в первую очередь как памятный знак⁴⁵.

Однако для нас более интересным в данном случае представляется другой монетный тип. Это бронзовые монеты, относящиеся к более позднему периоду. Б. Депперт-Липпитц, издатель каталога милетских монет эллинистического времени, изначально датировала их временным промежутком 39—17 гг. до н.э. Однако Ф. Киннс в своей рецензии на это издание подверг такую датировку критике, показав, что Депперт-Липпитц смешала воедино две монетных серии: одну конца I в. до н.э. и вторую,

⁴⁰ *I. Magnesia* 16 = *Syll.*³ 557.

⁴¹ Ebert 1982, 198—216.

⁴² *I. Magnesia* 37, 47, 48, 49, 54 etc.

⁴³ Wilamowitz-Moellendorff 1914, 96.

⁴⁴ См., например, *I. Didyma* 26, 27, 29, 31. Подробнее о строительных надписях и ходе строительства см. Rehm 1958, 13—14; Haussoullier 1919, 175—226; 1920a, 31—72, 1920b, 248—277; 1925, 5—20; 1926, 125—152; Günther, Prignitz 2016, 157—175.

⁴⁵ BMC Ionia, Miletus 51—52; Deppert-Lippitz 1984, 17; Kraay 1976, 258.

которую Киннс датирует ок. 200 г. до н.э. Свою датировку он аргументирует тем, что в легенде монет второго типа встречаются имена магистратов, которые засвидетельствованы в легендах других монет конца III — начала II в. до н.э., например ΒΑΣΙΛΕΙΔΗΣ. Также несколько таких монет было найдено в монетном кладе на Калимносэ этого времени⁴⁶. Такой же хронологии придерживается Х.Р. Балдус в издании монет, найденных в Дидимах в ходе раскопок 1962–1998 гг. На реверсе таких монет изображается лежащий лев со звездой и именем ответственного магистрата (например, ΑΙΣΧΥΛΙΝΟΣ, ΑΥΤΟΚΡΑΤΗΣ и др.), а на аверсе отчеканена монограмма города «ΜΙ» и статуя Аполлона Дидимейского работы Канаха в профиль с луком в одной руке и оленем в другой (Paus. I. 16. 3; VIII. 46. 3). Датировка надписи с Коса и этой монетной серии очень близки, что позволяет предполагать существование в этот период общей политики, в рамках которой Аполлон Дидимейский приобрел важнейшее значение в религиозной пропаганде города⁴⁷.

Если говорить о самих играх, то они проходили к югу от храма, где предположительно располагался древний стадион. Он был ок. 15 м в ширину, а ступени южной стороны храма использовались как места для зрителей. Многие из них до сих пор хранят надписи с I в. до н.э. по I в. н.э. с именами тех, для кого они были предназначены⁴⁸.

До нас дошло лишь несколько вотивных надписей, фиксирующих соревнования эллинистического периода, поэтому реконструкцию их списка можно проводить скорее на основании более подробных и многочисленных почетных надписей римского времени. Однако уже в это время упоминается борьба (παῖδας πάλην) кулачные бои среди юношей и мужчин (πυγμῆν παῖδας καὶ ἄνδρας), а также бег (μακρὸν δρόμον)⁴⁹. Важно отметить, что игры в Дидимах подразумевали как физические, так и театральные состязания⁵⁰.

Последние вызывали вопросы у исследователей, поскольку не было ясно, где они проводились⁵¹. Однако раскопки 2010-х годов к юго-востоку от храма позволили обнаружить театр греческого типа, построенный на рубеже I–II вв. н.э. Отсутствие постоянного поселения в Дидимах дает нам возможность предположить, что он предназначался именно для Дидимей⁵².

Несколько надписей косвенно позволяют предположить расширение сферы влияния Дидим после провозглашения Дидимей общеэллинистическими. Так, в декрете из Малы первой половины II в. до н.э., найденном Филиппом Леба среди руин храма Диониса в Теосе на Крите, описывается как теосцы обращаются за признанием неприкосновенности своей земли к оракулу не только в Дельфах, но и в Дидимах⁵³.

⁴⁶ Kinns 1986, 253–254; *IGCH* 1351.

⁴⁷ Deppert-Lippitz 1984, 118–119; № 941–1028; Taf. 30–32; Kinns 1986, 252–255, 260; Baldus 2006, № 140–149; Strocka 2002, 98.

⁴⁸ Knackfuss 1941, 140–141; Rehm 1958, 97–103.

⁴⁹ *I. Didyma* 77a; 95a; 97a; 97b; 104aII.

⁵⁰ *I. Didyma* 161–201; Robert 1949, 117–125; 1959, 663–664; 1960, 441–449; 1968, 573–575.

⁵¹ Fontenrose 1988, 71.

⁵² Bumke *et al.* 2015, 125–136.

⁵³ ὑπὲρ τε τοῦ εἶναι ἱερὰν καὶ ἄσυλον τὴν χώραν αὐτῶν, ὃ] συνέστησαν διὰ τε τῶν χρησῶν τῷ Ἀπόλλωνος τῷ ἐν Δελφοῖς καὶ ἐν Διδύμοις..., «о том что их земля — священная и неприкосновенная, что подтвердили прорицаниями Аполлона и в Дельфах,

Надпись с упоминанием Лоха, сына Лоха, обнаруженная на Косе, свидетельствует об обращении к Аполлону Дидимейскому перед тем, как сделать посвящение Аполлону Делосскому (Сегре датирует эту надпись I в. до н.э.)⁵⁴. Безусловно, нельзя связывать каждое обращение такого рода к Дидимейскому оракулу непосредственно с праздником и играми. Однако более ранних свидетельств обращения граждан других полисов к оракулу в Дидимах не сохранилось, поэтому можно предположить, что популяризация Дидимей могла привлечь сюда новых почитателей.

Самым любопытным, на наш взгляд, среди такого рода свидетельств может послужить текст одного из списков посвящений, найденный в Дидимейском святилище. Датируется он концом II — началом I в. до н.э. Этот список интересен в первую очередь потому, что в нем упоминается большое количество посвящений иностранцев: там засвидетельствованы посвящения от представителей 15 греческих полисов, среди которых есть также жители Коса, а еще Милясы, Хиоса, Мирин, Халкиды, Кизика, Илиона, Мегалополиса, Халкидона, Иасоса, Смирны, Эрифр, Родоса и Клазомен, Алинды. В этом же тексте упоминаются посвящения от галатов, сына Птолемея и сына Антиоха (из-за отсутствия четкой датировки нельзя однозначно сказать, о каких представителях династии идет речь, но еще Оссулье предположил, что это Птолемей IX и Антиох VIII, IX или X). В тексте также упоминается посвящение от агонифетов, что позволяет напрямую его связать с играми Дидимей⁵⁵.

А. Рем выдвинул гипотезу, что данную надпись следует датировать 100 г. до н.э., а разнообразие посвящений связано со столетней годовщиной учреждения Дидимей. Рем стремится доказать, что учреждение «всеобщих» Дидимей произошло в 200 г. до н.э., а соответственно юбилейные празднества произошли сто лет спустя⁵⁶. Мы уже писали о сомнительности такой аргументации, отметим еще раз, что гипотеза Рема не опирается на списки стефанофоров Милета — самые надежные датирующие памятники для надписей полиса. Поэтому саму датировку следует принимать осторожно. Но очевидно, что спустя столетие Дидимам удалось укрепить свое положение в регионе и привлечь почитателей практически со всей Эгеиды.

Важно отметить, что присутствие представителей некоторых полисов, упомянутых выше, подтверждается нумизматическими находками из Дидим: в районе святилища были найдены монеты Смирны, Хиоса, Иасоса, Милясы и Коса, а также ряда других полисов, не упомянутых в цитируемой надписи. Большинство монет датируются эпохой эллинизма, хотя и относятся к разным периодам (в основном рубеж II—I в. до н.э., также конец III в. до н.э. и др.), но в любом случае это может говорить о росте значимости Дидим в эту эпоху⁵⁷. При этом если покровительство эллинистических царей

и в Дидимах...» (*I. Cret.* I 19. 2, 7–9); см. также Günther 1971, 83, n. 90; Fontenrose 1988, 187; Somolinos 1991, 245–246.

⁵⁴ Ἀπόλλωνι Δ[α]λίῳ Καλύμνας / μεδέοντι κατὰ χρησζμόν / Διδυμέως Λό[χ]ος Λόχου φύσι / δὲ Ξενοκρά[τ]ους..., «Аполлону Делосскому, владыке Калимны по прорицанию Дидимейского (Аполлона) посвятил Лох, сын Лоха, а по рождению Ксенократа...» (*I. Cos Paton* 60 = *IG XII,4* 2:532 = *Tit. Calymnii XXVIII* = *I. Cos Segre* (1993) EV 232, 1–4) cf. *Tit. Calymnii* 69, 151.

⁵⁵ Haussoullier 1902, 209–213; см. также *I. Didyma* 475.

⁵⁶ Rehm 1958, 277–278.

⁵⁷ Baldus 2006, № 21–22, 25–26, 32–36.

засвидетельствовано вполне ясно, то обращение к Аполлону Дидимейскому представителей других народов, упомянутое на стеле из Коса, прослеживается намного хуже. В качестве исключения можно назвать обращения эпохи архаики (Hdt. I. 46–47; I. 92; II. 159; Zenob. 5. 80). И именно в надписи *I. Didyma* 475 мы встречаемся с редким упоминанием посвящений негреческого происхождения.

Сохранилось также несколько упоминаний непосредственного участия жителей других полисов в строительстве храма, хотя их количество не позволяет делать каких-либо выводов о масштабах этой активности⁵⁸.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что надпись с о. Кос — это важный пример «пропаганды» культа Аполлона Дидимейского в последней трети III в. до н.э. Синхронный нумизматический материал позволяет подтвердить, что его образ в этот период вновь становится одним из важнейших для религиозной и политической жизни, а празднество в святилище становится объектом притяжения для представителей других городов. При этом в самой надписи подчеркивается, что основанием для особого внимания должна стать не только мифологическая история места, но и активность оракула, а также проявленное благочестие по отношению к нему со стороны эллинистических правителей. Вероятнее всего таким образом милетяне хотели добиться того, чтобы святилище стало одним из важнейших религиозных центров в регионе. На это косвенно указывает как сам масштаб проекта эллинистического храма, так и возобновившееся строительство в этот период, о чем говорят эпиграфические материалы. К сожалению, источниковая база не позволяет нам поэтапно проследить активность других полисов на Дидимеях в эллинистический период, поскольку большинство дошедших надписей, чествующих победителей, относятся уже к римской эпохе. Однако эпиграфические и нумизматические данные косвенно говорят нам о том, что трансформация празднеств повлияла на распространение почитателей культа в Эгеиде.

Литература / References

- Avram, A. 2009: Epigraphie et histoire religieuse: le culte de L  to dans les cit  s de la Mer Noire. In: A. M. Fern  ndez (ed.), *Estudios de epigraf  a griega*. San Crist  bal de La Laguna, 305–314.
- Baldus, H. R. 2006: *Didyma*. Teil III: *Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1962*. Band 3: *Fundm  nzen aus den Jahren 1962–1998*. Mainz am Rhein.
- Bechtel, F. 1923: *Die griechischen Dialekte*. 2. Band: *Die westgriechischen Dialekte*. Berlin.
- Bechtel, F. 1963: *Die griechischen Dialekte*. 3. Band: *Die Ionische Dialekt*. Berlin.
- Bosnakis, D., Hallof, K. 2005: Alte und neue Inschriften aus Kos II. *Chiron* 35, 219–272.
- Bumke, H., Breder, J., Kaiser, I., Reichardt, B., Weber, U. 2015: Didyma. Bericht   ber die Arbeiten der Jahre 2010–2013. *Arch  ologischer Anzeiger* 1, 109–172.
- Cavaignac, E. 1924: Les d  karchies de Lysandre. *Revue des   tudes historiques* 90, 285–316.
- Deppert-Lippitz, B. 1984: *Die M  nzpr  gung Milets vom vierten bis ersten Jahrhundert v. Chr.* Arau–Frankfurt am Main–Salzburg.
- Ebert, J. 1982: Zur Stiftungsurkunde der ΛΕΥΚΟΦΡΥΗΝΑ in Magnesia am M  ander. *Philologus* 126/1–2, 198–216.
- Fontenrose, J. 1942: Notes on Some Didymaeon Inscriptions. *University of California Publications in Classical Philology* 12/9, 173–174.

⁵⁸ *I. Didyma* 483; G  nther 2001, 185–198.

- Fontenrose, J. 1944: The Festival Called Boegia at Didyma. *University of California Publications in Classical Archaeology* 1/2, 291–304.
- Fontenrose, J. 1988: *Didyma: Apollo's Oracle, Cult and Companions*. Berkley.
- Günther, W. 1971: *Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit*. Tübingen.
- Günther, W. 2001: Spenden für Didyma. Zu einer Stiftung aus Naukratis. In: K. Geus, K. Zimmermann (eds.), *Punica-Libya-Ptolemaica. Festschrift für Werner Huss zum 65. Geburtstag*. Louvain–Paris, 185–198.
- Günther, W. 2017: *Inschriften von Milet*. Teil 4: *Eine Prosopographie*. (Milet, VI/4). Berlin–Boston.
- Günther, W., Prignitz, S. 2016: Ein neuer Jahresbericht über Baumaßnahmen am Tempel des Apollon von Didyma. *Chiron* 46, 157–175.
- Habicht, C. 2000: Zur Chronologie der hellenistischen Eponyme von Kos. *Chiron* 30, 303–332.
- Haussoullier, B. 1900: Les Séleucides et le temple d'Apollon didyméen. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 24, 243–271.
- Haussoullier, B. 1902: *Études sur l'histoire de Milet et du Didymeion*. Paris.
- Haussoullier, B. 1919: Inscriptions de Didymes. Classement chronologique des comptes de la construction du Didymeion. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 43, 175–226.
- Haussoullier, B. 1920a: Inscriptions de Didymes. Classement chronologique des comptes de la construction du Didymeion (Deuxième article). Le groupe de Ménodoros. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 44, 31–74.
- Haussoullier, B. 1920b: Inscriptions de Didymes. Classement chronologique des comptes de la construction du Didymeion (Troisième article). Les travaux de 176/175 a 172/71. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 44, 248–277.
- Haussoullier, B. 1925: Inscriptions de Didymes. Comptes de la construction du Didymeion. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 49, 5–20.
- Haussoullier, B. 1926: Inscriptions de Didymes. Comptes de la construction du Didymeion (Fin). *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 50, 125–152.
- Herzog, R. 1905: Das panhellenische Fest und die Kultlegende von Didyma. In: *Seitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften*. Berlin, 979–993.
- Kern, O. 1901: Magnetische Studien. *Hermes* 36/4, 491–515.
- Kinns, Ph. 1986: The Coinage of Miletus. *Numismatic Chronicle* 146, 233–260.
- Klee, Th. 1918: *Zur Geschichte der gymnischen Agone und griechischen Festen*. Leipzig.
- Knackfuss, H. 1941: *Th. Wiegand. Didyma*. 1. Teil: *Die Baubeschreibung in drei Bänden*. Berlin.
- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. London.
- Rehm, A. 1958: *Theodor Wiegand. Didyma*. 2. Teil: *Die Inschriften*. Herausgegeben von Richard Harder. Berlin.
- Rhodes, P.J. 2006: Milesian “Stephanephoroí”: Applying Cavaignac Correctly. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 157, 116.
- Rigsby, K.J. 1996: *Asylia. Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley.
- Rigsby, K.J. 2010: Cos and the Milesian Didymeia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 175, 155–157.
- Robert, L. 1929: Notes d'épigraphie hellénistique. *Bulletin de correspondance hellénique* 53, 151–165.
- Robert, L. 1940: Deux inscriptions d'Aptera. *Hellenica* 1, 113–118.
- Robert, L. 1949: Un athlète milésien. *Hellenica* 7, 117–125.
- Robert, L. 1959: Rev.: Didyma. 2. Teil: Die Inschriften by Theodor Wiegand, Albert Rehm, Richard Harder. *Gnomon* 31/8, 657–674.
- Robert, L. 1960: Inscription de Didymes et de Milet. *Hellenica* 11–12, 440–489.
- Robert, L. 1968: Trois oracles de la Théosophie et un prophète d'Apollon. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 4, 568–599.
- Samuel, A.E. 1972: *Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity*. München.
- Somolinos, J.R. 1991: *Los oráculos de Claros y Didima*. Edición y comentario. PhD thesis. Madrid.
- Strocka, M. 2002: Der Apollon des Kanachos in Didyma und der Beginn des Strengen Stils. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts* 117, 81–125.
- Tuchelt, K. 1970: *Die archaischen Skulpturen von Didyma*. Berlin.
- Wilamowitz-Moellendorf, U. 1914: Milet III Das Delphinion. *Göttingische gelehrte Anzeigen* 176, 65–109.
- Woodward, A.M., Robert, L., Woodward, J.M. 1927–1928: Excavations at Sparta, 1924–28. *The Annual of The British School at Athens* 29, 1–107.
- Wörle, M. 1988: Inschriften von Herakleia am Latmos I: Antiochos III, Zeuxis und Herakleia. *Chiron* 18, 421–476.